

Роберт Луис Стивенсон

Путешествие внутрь страны

Перевод с английского
Нины Дарузес

ФТМ

Роберт Стивенсон
Путешествие внутрь страны

«ФТМ»

1878

Стивенсон Р. Л.

Путешествие внутрь страны / Р. Л. Стивенсон — «ФТМ»,
1878

«Бом не слишком приятное место и замечателен только одним: почти все его обитатели в глубине души убеждены, будто умеют говорить по-английски, что, впрочем, фактами не подтверждается,» – так начинается книга путевых заметок шотландского писателя и поэта Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894) из его путешествия по рекам Бельгии. Тонкий английский юмор, внимание к малейшим нюансам и тонкостям культуры и традиций – от бытовых до общественных – жителей бельгийских городов, ставят роман «Путешествие внутрь страны» в переводе Нины Дарузес в один ряд с такими шедеврами приключенческой литературы писателя, как «Остров сокровищ» или «Приключения принца Флоризеля».

© Стивенсон Р. Л., 1878

© ФТМ, 1878

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Из Антверпена в Бом	7
По каналу Виллебрук	9
Клуб королевских водников	12
В Мобеже	15
По каналу Самбры	18
В карт	18
Пон-Сюр-Самбр	21
Мы – коробейники	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Роберт Стивенсон

Путешествие внутрь страны

Предисловие к первому изданию

Снабжая столь небольшую книгу предисловием, я, быть может, грешу против законов гармонии. Однако автору трудно устоять перед соблазном написать предисловие, ибо это его награда за труд. Когда закладывается первый камень, является архитектор со своими чертежами и добрый час расхаживает всем напоказ. А писателю для этого служит предисловие – ему, возможно, нечего сказать, но как не показаться хоть на мгновение на крыльце со шляпой в руке и с видом, исполненным небрежного достоинства!

При подобных обстоятельствах в манере держаться должен сквозить тонкий нюанс между смирением и надменностью: словно книгу написал кто-то другой, а вы лишь бегло ее просмотрели и вставили все лучшие места. Сам я еще не научился этому фокусу и пока не умею маскировать теплых чувств, которые питаю к читателю, – и уж если встречаю его на пороге, так для того, чтобы пригласить в дом с деревенским радушием.

По правде говоря, едва я прочел гранки этой книжечки, как меня охватило гнетущее предчувствие. Мне пришло в голову, что я могу остаться не только первым читателем этих страниц, но и последним, что, быть может, я напрасно проложил путь в этот весьма приятный уголок – никто не последует за мной сюда. Чем больше я об этом думал, тем меньше нравились мне эта мысль, так что досада, наконец, сменилась паническим ужасом, и я торопливо набросал предисловие, которое должно только послужить приманкой для читателей.

Что я могу сказать в пользу своей книги? Кaleb и Иисус Навин принесли из Палестины внушительную виноградную гроздь – увы, в моей книге нет ничего столь питательного, да и к тому же мы живем в эпоху, предпочитающую философские определения любому количеству плодов земных.

Не покажутся ли заманчивыми ее негативные достоинства? Лыщу себя мыслью, что с негативной точки зрения эта книга заслуживает хвалы. Хотя в ней насчитывается более ста страниц, она не содержит ни единого упоминания о нелепости вселенной, созданной господом, и даже ни тени намека на то, что я мог бы создать вселенную куда лучше. Право, не знаю, где была моя голова? Я, кажется, упустил из вида все, дающее повод гордиться тем, что ты человек. Это упущение лишает книгу какого бы то ни было философского значения, но я лелею надежду, что подобная эксцентричность может прийтись по вкусу более легкомысленным кругам.

Другу, который сопровождал меня в этой поездке, я и так уже многим обязан – и если бы только благодарностью! – но сейчас я питаю к нему величайшую нежность. Ибо он, во всяком случае, будет моим читателем – хотя бы для того, чтобы вместе с моим путешествием повторить и свое.

Р. Л. С.

ПОСВЯЩАЕТСЯ сэру Уолтеру Гриндли Симпсону, баронету.

Дорогой Папироска, достаточно было и того, что вы так безропотно принимали на свои плечи честную долю дождей и байдарок во время нашего путешествия, и того, что вам пришлось так отчаянно грести в погоне за беглянкой «Аретузой», увлекаемой стремительной Уазой, и, наконец, того, что затем вы доставили мои жалкие останки в Ориньи-Сент-Бенуат, где их ждал желанный ужин. А то, что я, как вы однажды с грустью пожаловались, вложил все крепкие выражения в ваши уста, а высокие размышления приберег для себя, было, пожалуй, даже и лишним. Простая порядочность не позволила мне обречь вас на позор

еще одного и куда более публичного кораблекрушения. Но теперь, когда наше с вами путешествие намереваются издать большим тиражом, можно надеяться, что вышеупомянутая опасность уже миновала, и я смело ставлю ваше имя на вымпеле.

Однако я должен безотлагательно оплакать судьбу наших двух кораблей. То был злополучный день, сэр, когда мы задумали стать владельцами баржи и отправиться на ней в плавание по каналам; и в столь же злополучный день мы открыли нашу мечту слишком оптимистичному мечтателю. Некоторое время весь мир, казалось, улыбался нам. Баржа была куплена и окрещена и уже в качестве «Одиннадцати тысяч кельнских дев» несколько месяцев простояла – объект восторгов всех восторженных душ – на приятной реке под стенами старинного города. Мсье Маттра, искусный плотник из Море, трудился над ней, извлекая из этого порядочный доходец, и вы, верно, помните, сколько сладкого шампанского было поглощено в гостинице у моста, чтобы усугубить рвение рабочих и ускорить работу. На финансовом аспекте этого предприятия я предпочту не останавливаться. Баржа «Одиннадцать тысяч кельнских дев» тихонько гнила на лоне потока, где прежде обрела свою красоту. Ветер так и не наполнил ее парус, и к ней так и не был припряжен терпеливый битюг. И когда наконец негодующий плотник из Море продал ее, вместе с ней были проданы «Аретуза» и «Папироска» – одна из кедра, другая из доброго английского дуба, как хорошо известно нам, кому не раз приходилось переносить ее через шлюзы. Теперь над этими историческими судами развевается трехцветный флаг Франции, и они носят новые, чужестранные названия.

Р. Л. С.

Из Антверпена в Бом

В антверпенском порту мы произвели сенсацию. Толпа портовых грузчиков во главе со стивидором¹ подхватила две наши байдарки и бросилась с ними к слипу. Следом, радостно вопя, бежала ватага мальчишек. «Папироска» со всплеском вошла в воду, подняв крохотную волну. Через мгновение за ней последовала «Аретуза». Вниз по течению бежал пароход, и матросы с козуха его колеса выкрикивали хриплые предостережения, а стивидор и его грузчики кричали на нас с пристани. Но два-три взмаха весла вынесли байдарки на середину Шельды, и все пароходы, все стивидоры и прочая береговая суэта остались далеко позади.

Солнце сияло, шел прилив – добрых четыре мили в час, – дул ровный ветер, но иногда налетали шквалы. Я прежде никогда не ходил на байдарке под парусом и предпринял свой первый опыт на середине этой большой реки не без некоторого трепета. Что произойдет, когда ветер наполнит мой маленький парус? Наверное, такое чувство испытываешь, проникая в пределы неведомого, выпуская в свет первую книгу, вступая в брак. Но мои тревоги длились недолго, и вы не удивитесь, узнав, что пять минут спустя я уже закрепил парус.

Признаюсь, меня самого это обстоятельство несколько поразило; разумеется, плавая в обществе мне подобных на яхте, я всегда закреплял парус, но в такой капризной скорлупке, как байдарка, да еще при шквалистом ветре я никак не ждал от себя подобной прыти и с некоторым презрением подумал о том, что мы слишком трясемя над своей жизнью. Бесспорно, курить много удобнее, когда парус закреплен, но ни разу прежде мне не приходилось выбирать между уютной трубочкой и несомненным риском – и я торжественно выбрал трубку. То, что мы не можем ручаться за себя, пока не подвергнемся испытанию, – истина избитая. Но далеко не так банальна и куда более приятна мысль, что обычно мы оказываемся намного храбрее и лучше, чем ожидали. Мне кажется, каждый человек имел возможность в этом убедиться, но, опасаясь, как бы не сплеховать в будущем, человечество предпочитает не разглашать этих ободряющих наблюдений. От скольких тревог был бы я избавлен, если бы в дни моей юности – как жаль, что этого не произошло! – кто-нибудь объяснил мне, что жизни бояться нечего, что опасности страшней всего на расстоянии, что лучшие качества человеческой души не поддаются окончательному погребению и почти никогда – а вернее, просто никогда – не изменяют нам в час нужды. Однако в литературе мы все предпочитаем играть на сентиментальной флейте, и никто из нас не хочет встать во главе марширующей колонны, чтобы ударить в барабан.

Река была очень симпатичной. Мимо проплывали редкие баржи, груженные сеном. Берега заросли камышом и ивами; коровы и серые почтенные лошади подходили к парапету и наклоняли к воде кроткие морды. Порой появлялись окруженные деревьями красивые селения с шумными верфями или виллы на зеленых лужайках. Ветер лихо гнал нас вверх по Шельде, а потом и по Рюпелу, и мы неслись довольно быстро, когда на правом берегу показались кирпичные заводы Бома. Левый берег по-прежнему оставался зеленым и сельским, был осенен деревьями, а на лестничках, ведущих к парому, сидели то женщина, подпирая щеку рукой, то старец с посохом и в серебряных очках. Однако Бом и его кирпичные заводы с каждой минутой становились все более безрадостными и дымными, и наконец большая церковь с часами и деревянный мост через реку показали, что мы находимся в центре города.

Бом не слишком приятное место и замечателен только одним: почти все его обитатели в глубине души убеждены, будто умеют говорить по-английски, что, впрочем, фактами не подтверждается. Поэтому все наши переговоры с ними происходили как бы в тумане. Ну, а хуже «Отеля Навигации», на мой взгляд, во всем Боме нет ничего. В нем имеется зал, где

¹ Стивидор – лицо, заведующее погрузкой и выгрузкой судов в порту.

пол усыпан песком, – окна этого зала выходят на улицу, а в глубине располагается буфетная стойка; и еще один зал с песком на полу, более темный и холодный, украшенный лишь пустой птичьей клеткой да трехцветной кружкой для пожертвований – там мы обедали в обществе трех молчаливых юношей, подручных с завода, и безмолвного коммивояжера. Кушанья, как обычно в Бельгии, носили случайный и неопределенный характер; по правде говоря, мне ни разу не удалось обнаружить, чтобы эти милые люди завтракали, обедали или ужинали: они весь день напролет что-то отведывают и поклевывают в любительском стиле – как бы французском, безусловно немецком и каким-то образом отличным и от того и от другого.

От пустой птичьей клетки, подметенной и начищенной, но не хранившей никаких следов пернатой певуньи, если не считать отогнутых проволочек, куда прежде вставляли кусочек сахара, веяло кладбищенским весельем. Молодые люди не желали разговаривать с нами, как, впрочем, и с коммивояжером, они то изредка перебрасывались вполголоса двумя-тремя словами, то устремляли на нас очки, мерцавшие в свете газового рожка. Ибо все трое были хоть и красивые ребята, но очкастые.

В гостинице имелась английская горничная, которая покинула Англию так давно, что успела набраться своеобразных иностранных выражений и иностранных привычек, о которых тут говорить незачем. Она очень бегло беседовала с нами на своем нелепом жаргоне, расспрашивала нас о нынешних английских обычаях и любезно нас поправляла, когда мы пытались отвечать. Однако, поскольку мы имели дело с женщиной, может быть, мы все-таки не бросали слова на ветер. Слабый пол любит набираться знаний, сохраняя при этом тон превосходства. Неплохая политика, а при данных обстоятельствах и необходимая. Если мужчина заметит, что женщина восхищается, хотя бы даже его познаниями в географии, он немедленно начнет злоупотреблять этим восхищением. Только постоянно одергивая нас, могут прелестные создания удерживать нас на подобающем месте. Мужчины, как сказала бы мисс Хоу или мисс Гарлоу, «такие посягатели». Сам я телом и душой на стороне женщин; и если не считать счастливой супружеской пары, в мире нет ничего прекраснее мифа о божественной охотнице. Вот мужчина не способен удалиться в леса. Нам ли его не знать! В давние времена святой Антоний попробовал сделать это, и, по всем сведениям, ему пришлось очень солоно. Но в женщинах порой бывает нечто, дающее им превосходство даже над лучшими гимнософистами среди мужчин, – им достаточно самих себя, и они шествуют по горным ледяным зонам без помощи созданий в брюках. Должен признаться, вопреки общепринятым эстетическим взглядам, что я куда больше благодарен женщинам за этот идеал, чем был бы благодарен большинству из них – а вернее, всем, кроме одной, – за неожиданный поцелуй. Женщина, во всем полагающаяся только на себя, – какое это освежающее зрелище! И когда я думаю о стройных, прелестных девушках, всю ночь бегущих по лесам, когда звенит рог Дианы, мелькающих между дубами, столь же вольными, как и они, когда я думаю об этих дочерях лесной чащи и звездного света, не оскверненных соприкосновением с горячим и мутным потоком жизни, которой живут мужчины, я чувствую, что мое сердце начинает биться при мысли об этом идеале, хотя найдется немало других, влекущих меня гораздо больше. Это крах жизни, но какой прекрасный крах! То не потеряно, о чем не жалеют. А во что – это во мне говорит мужчина, – во что обратилась бы несравненная радость завоевания любви, если бы прежде не надо было преодолевать презрения?

По каналу Виллебрук

На следующее утро, когда мы поплыли по каналу Виллебрук, вдруг полил холодный дождь. Вода в канале была теплой, как налитый в чашку чай, и от этого внезапного ледяного вторжения ее поверхность закурилась паром. Мы только что пустились в путь, байдарки весело слушались каждого удара весла, и радостное возбуждение помогало нам переносить эту беду, а когда туча пронеслась и снова выглянуло солнце, мы воспрянули духом и забыли унылый рефрен: «Лучше бы нам остаться дома». Деревья по берегам канала шелестели и клонили ветки под натиском довольно сильного ветра. Листья вскипала в буйной игре света и теней. И на глаз и на слух погода казалась идеальной для плавания под парусами, однако берега были высокие, и лишь отдельные слабые порывы ветра достигали воды. Он почти не надувал паруса. Мы продвигались вперед рывками и раздражающе медленно. Шутник с морским прошлым окликнул нас с бечевника:

– C'est vite, mais c'est long².

На канале царило значительное оживление. Мы то и дело встречали или обгоняли вереницы барж с зелеными румпелями: высокая корма с окошечками по обе стороны руля, может быть, с кувшином или цветочным горшком в таком окошке, привязанный сзади ялик, женщина, стряпающая обед, и куча ребятишек. Баржи шли караванами по двадцать пять-тридцать штук, а возглавлял процессию и тащил их за собой пароходик весьма странной конструкции. На нем не было ни колес, ни винта – с помощью какого-то приспособления, непонятого профанам в механике, он втаскивал на нос блестящую цепь, протянутую по дну канала, и, опуская ее с кормы, продвигался вперед звено за звеном вместе со всей свитой нагруженных плоскодонных барж. До того, как мы разгадали эту загадку, что-то зловещее чудилось в караване, неторопливо плывущем по каналу, когда лишь рябь у бортов и позади последней баржи показывала, что он продвигается вперед.

Из всех порождений коммерческой предприимчивости речная баржа представляется наиболее восхитительным. Она может поставить паруса – и вы видите, как она плывет высоко над верхушками деревьев и мельниц, плывет по акведуку, плывет через зеленеющие хлеба – самая живописная из всех амфибий. Или лошадь бредет шагком, словно в мире не существует деловой спешки, и человек, дремлющий у руля, весь день видит на горизонте одну и ту же колокольню. Непонятно, каким образом при подобной скорости грузы все-таки попадают на место назначения, а баржи, ожидающие своей очереди у шлюза, преподают нам прекрасный урок безмятежности, с какой следует относиться к миру и его суете. Наверное, на борту там найдется много умиротворенных душ, ибо при такой жизни и путешествуешь и остаешься дома – все вместе.

Над трубой поднимается дым – значит, скоро будет готов обед, – а вы все плывете, и берега канала неторопливо разворачивают свои пейзажи перед созерцательным взором; баржа минует большие леса и большие города с множеством общественных зданий и горящих в ночи фонарей; обитатель баржи в своем плавучем доме, «путешествуя в постели», славно слушает чью-то историю или равнодушно перелистывает иллюстрированную книгу. Он может погулять по чужой стране вдоль берега канала, а потом отправиться домой и пообедать у своего очага.

Этот образ жизни слишком малоподвижен, чтобы быть чересчур здоровым, однако избыток здоровья необходим только для нездоровых людей. Улитка в человеческом облике не болеет и н³ чувствует себя здоровой, живет тихонько и умирает легко.

² Это быстро, но долго (франц.).

Сам я предпочту судьбу барочника любому самому почетному положению, если оно требует регулярного посещения конторы. Пожалуй, немного найдется других таких профессий, когда человек столь мало поступает своей свободой ради возможности есть каждый день. Барочник на борту своего судна – капитан корабля, он может приставать к суше, где пожелает, его нельзя заставить уходить от подветренного берега всю морозную ночь напролет, когда паруса тверже железа; и, насколько я могу судить, время для него настолько неподвижно, насколько это совместимо с наступлением часа обеда или часа отхода ко сну. Трудно понять, почему барочник все-таки должен когда-нибудь умереть.

На полпути между Виллебруком и Вилворде, в очаровательном месте, где канал похож на аллею старого парка, мы пристали к берегу перекусить. На борту «Аретузы» имелось два яйца, краюха хлеба и бутылка вина, а на борту «Папироски» – два яйца и «Этна», спиртовой аппарат для приготовления пищи. Шкипер «Папироски» в процессе высадки разбил одно из яиц, но, бодро сообщив, что его все же можно сварить *a la rariet*³, бросил пострадавшее яйцо в «Этну» в оболочке из фламандской газеты. Когда мы высаживались, погода стояла прекрасная, но не провели мы на берегу и двух минут, как ветер начал заметно крепчать, а по нашим плечам застучали капли дождя. Мы пристроились как можно ближе к «Этне». Спирт пылал чрезвычайно эффектно – трава вокруг то и дело загоралась, и ее приходилось гасить, и вскоре было обожжено несколько пальцев. Однако общее количество приготовленной пищи явно не соответствовало всей этой помпе; когда, дважды приведя аппарат в действие, мы наконец прекратили стряпню, оказалось, что целое яйцо чуть-чуть согрелось, а *a la rariet* представляло собой холодное и мерзкое фрикасе из типографской краски и яичной скорлупы. Тогда остальные два яйца мы решили испечь, положив их возле горящего спирта, – эта операция увенчалась успехом. Затем мы откупорили бутылку и расположились в канавке, закрыв колени фартуками, снятыми с байдарок. Дождь зарядил вовсю. Честные неудобства, когда они не предпринимают тошнотворных попыток выдать себя за комфорт, становятся источником всяческого веселья, и люди, промокшие и окоченевшие на свежем воздухе, очень склонны смеяться. С этой точки зрения даже яйцо *a la rariet*, предложенное в качестве еды, может сойти за бесхитростную шутку. Однако шутки такого рода, хотя в первый раз их и принимают хорошо, при повторении сильно проигрывают, вот почему дальше «Этна» путешествовала, как аристократка, в рундучке «Папироски».

Едва мы, поев, продолжили путь и подняли парус, как ветер, само собой разумеется, тотчас стих. Но до Вилворде мы продолжали подставлять паруса обленившейся стихии; и так, то подгоняемые случайным порывом ветра, то работая веслами, тихо плыли от шлюза к шлюзу между двумя рядами аккуратных деревьев.

Это был прекрасный, зеленый, сочный ландшафт, а вернее, одна зеленая водная аллея, которая тянулась от деревни к деревне. Все вокруг имело упорядоченный вид, свойственный давно обжитым местам. Когда мы проплывали под мостами, остриженные в кружок дети, перегнувшись через перила, плевали в нас с истинной консервативностью. Но еще более консервативны были рыболовы, которые не сводили глаз со своих поплавков и не удостоивали нас ни единым взглядом. Они сидели, примостившись на устоях, быках и просто на берегу, тихо поглощенные своим занятием. Они были безразличны ко всему, как образчики неживой природы. Они не шевелились, словно удили на старинной голландской гравюре. Листья трепетали, по воде бежали маленькие волны, но рыболовы оставались неподвижны, как государственная церковь. Можно было бы трепанировать все их простодушные головы и не найти под черепной крышкой ничего, кроме свернутой рыболовной лески. Мне несимпатичны дюжие молодцы в резиновых сапогах, по грудь в воде штурмующие горные потоки

³ В бумаге (франц.).

в надежде поймать лосося, но я нежно люблю этот класс людей, предающихся своей бесплодной страсти всю вечность и еще один день над тихими и уже малонаселенными водами.

У последнего шлюза сразу за Вилворде смотрительница говорила по-французски достаточно внятно и сообщила нам, что до Брюсселя еще добрых две лиги. И там же вновь полил дождь. Он чертил в воздухе прямые параллельные линии, и поверхность канала раздробилась на мириады крохотных хрустальных фонтанчиков. Найти ночлег по соседству было нельзя, и нам оставалось только убрать паруса и усердно грести под дождем.

Прекрасные виллы с часами и длинными линиями закрытых ставнями окон, роши и аллеи великолепных старых деревьев под дождем и в сгущающихся сумерках придавали берегам канала угрюмое величие. Я видел нечто подобное на гравюрах: пышные пейзажи, пустынные и помрачневшие с приближением бури. И до самого конца нас сопровождала тележка с поднятым верхом, которая уныло тряслась по бечевнику, держась у нас за кормой на неизменном расстоянии.

Клуб королевских водников

Дождь прекратился где-то возле Лакена. Но солнце уже зашло, воздух стал прохладным, а у нас на двоих не нашлось бы и одной сухой нитки. К тому же теперь, когда мы почти достигли конца зеленой аллеи и были уже на самом пороге Брюсселя, нам пришлось столкнуться с серьезной трудностью. Вдоль обоих берегов почти вплотную друг к другу стояли баржи, ожидая своей очереди войти в шлюз. Нигде не было видно ни одной удобной пристани, ни даже конюшни, где мы могли бы оставить байдарки на ночь. Мы кое-как выбрались на берег и вошли в кабачок, где какие-то грустные бродяги пили вместе с трактирщиком. Трактирщик был с нами немногословен: ни каретных сараев, ни конюшен, ни еще чего-нибудь поблизости нет. А заметив, что пить мы не намерены, он выказал явное нетерпение поскорей от нас избавиться. Спас нас один из грустных бродяг. В одном конце залива имеется слип, сообщил он нам, и еще что-то, что он точно описать не сумел, но тем не менее его слушатели воспрянули духом.

И действительно, в конце залива имелся слип, а наверху слипа два симпатичных юноши в матросских костюмах. Аретуза обратился к ним с вопросом, и один из них сказал, что пристроить на ночь наши байдарки будет совсем нетрудно, а другой, вынув папиросу изо рта, осведомился, не фирмы ли они «Сирл и сын». Это имя вполне заменило визитную карточку. Из лодочного сарая с вывеской «Клуб королевских водников» вышло еще шестеро молодых людей, тотчас присоединившихся к нашей беседе. Все они были очень любезны, словоохотливы и полны восторга, а их речь изобиловала английскими лодочными терминами, названиями английских лодочных фирм и английских лодочных клубов. К стыду своему, я не знаю ни единого места в моей родной стране, где меня с подобной радостью приняло бы такое же число людей. Мы были английскими любителями водного спорта, и бельгийские любители водного спорта кинулись нам на шею. Не знаю, такой ли сердечностью приняли английские протестанты французских гугенотов, когда те бежали за Ла-Манш, спасаясь от гибели. Впрочем, какая религия сплачивает людей теснее, чем занятие одним видом спорта?

Байдарки внесли в лодочный сарай, клубная прислуга вымыла их, паруса были повешены сушиться, и все стало чистым и аккуратным, как картинка. А нас тем временем новообетенные братья – так они сами себя именовали – повели наверх и отдали в наше распоряжение свою умывальную. Один одолжил нам мыло, другой – полотенце, еще двое помогли развязать мешки. И все это сопровождалось такими вопросами, такими заверениями в уважении и любви! Признаюсь, только тут я понял, что такое слава.

– Да-да, «Клуб королевских водников» – старейший клуб в Бельгии.

– У нас членов – двести человек.

– Мы... (тут я привожу не слова кого-то одного, но экстракт из многих речей, впечатление, оставшееся у меня после долгих разговоров, и, на мой взгляд, это была очень юная, милая, безыскусственная и патриотичная похвальба) ...мы выигрывали все гонки, за исключением тех, в которых французы обставляли нас нечестным образом.

– Оставьте здесь вашу мокрую одежду, ее высушат.

– О! *Entre freres!*⁴. В любом английском лодочном клубе нас встретили бы так же! (От души надеюсь, что так оно и было бы!)

– *En Angleterre vous employez des sliding-seats, n'est-ce pas?*⁵

⁴ Между братьями! (франц.).

⁵ Вы в Англии пользуетесь подвижными сиденьями, правда? (франц.).

– Днем мы все работаем в торговых конторах, но вечером, *voyez-vous, nous sommes serieux*⁶.

Так он и сказал. День все они посвящали легкомысленным торговым делам Бельгии, но по вечерам выкраивали несколько часов для серьезных сторон жизни. Быть может, мое представление о мудрости неверно, но, мне кажется, это были очень мудрые слова. Люди, занимающиеся литературой и философией, весь день отдают тому, чтобы избавиться от подержанных идей и ложных норм. Это их профессия – в поте чела упорно мыслить, чтобы вернуть себе прежний свежий взгляд на жизнь и разобраться, что действительно нравится им самим, а с чем они волей-неволей научились мириться. В сердцах же этих королевских водников умение различать было еще живо. Они еще хранили чистое представление о том, что хорошо и что дурно, что интересно и что скучно, – представление, которое завистливые старцы именуют иллюзией. Кошмарная иллюзия пожилого возраста, медвежьи объятия обычаев, по каплям выжимающие жизнь из человеческой души, еще не завладели этими юными бельгийцами, рожденными под счастливой звездой. Они еще понимали, что интерес, который вызывает у них их коммерческая деятельность, – ничтожный пустяк в сравнении с их пылкой многострадальной любовью к лодочному спорту. Зная, что нравится тебе самому, и не говоря смиренно «аминь», когда свет заявляет, что тебе должно нравиться что-то иное, ты сохраняешь свою душу живой. Подобный человек бывает духовно щедр, он честен не только в коммерческом смысле этого слова, он выбирает своих друзей, руководствуясь личными симпатиями, вместо того, чтобы принимать их как неизбежный придаток к занимаемому им положению. Короче говоря, он человек, который действует согласно собственным побуждениям, сохраняя себя таким, каким его создал бог, – а не просто рычажок в социальной машине, приклепанный согласно принципам, ему непонятным, во имя цели, ему неинтересной.

Разве кто-нибудь посмеет сказать мне, что конторская деятельность приятнее возни с лодками? Тот, кто так думает, либо никогда не видел лодок, либо никогда не видел контор. И первые, во всяком случае, гораздо полезнее для здоровья. Самым важным делом для человека должно быть его любимое развлечение. Противопоставить этому можно только алчную погоню за деньгами; один лишь «Маммона, дух бесчестнейший из всех, низринутых с небес», посмел бы возразить хоть слово. Только лживые ханжи и лицемеры могут утверждать, будто коммерсант и банкир – это люди, бескорыстно трудящиеся на благо человечества, а посему всего более полезные ему именно тогда, когда они наиболее поглощены своими сделками. Это не так, ибо человек важнее своей службы. А когда мой королевский водник оставит свою исполненную надежд юность так далеко позади, что будет испытывать горячий интерес только к грассбуху, то, смею сказать, он будет уже куда менее симпатичен и вряд ли с таким радушием встретит двух промокших до костей англичан, которые в сумерках приплывут на байдарках в Брюссель.

Когда мы переоделись и выпили по стакану светлого пива за процветание клуба, один из юношей проводил нас до гостиницы. Отобедать с нами он отказался, но готов был выпить стаканчик вина. Энтузиазм – штука весьма утомительная, и я начал понимать, почему пророки были столь непопулярны в Иудее, где их знали лучше всего. Три мучительных часа этот превосходный молодой человек сидел с нами и разглагольствовал о лодках и лодочных гонках, а перед уходом любезно распорядился, чтобы нам в спальню подали свечи.

Время от времени мы пытались переменить тему, но это удавалось нам лишь на краткое мгновение: королевский водник становился на дыбы, шарахался в сторону, отвечал на вопрос и вновь кидался в бушующие валы своей излюбленной темы. Я называю это его темой, но боюсь, он был не хозяином ее, а рабом. Аретуза, для которого любые гонки и

⁶ Вы видите, мы серьезны (франц.).

скачки – порождение дьявола, оказался в тяжелом положении. Он не смел выдать своего невежества и, чтобы не посрамить честь Старой Англии, рассуждал о знаменитых английских клубах и знаменитых английских гребцах, дотоле ему вовсе не ведомых. Несколько раз, особенно когда речь зашла о подвижных сиденьях, его чуть было не разоблачили. Что до Папироски, который в буйную пору юности участвовал в лодочных гонках, но ныне отрекается от грехопадений тех легкомысленно потраченных лет, то его положение было даже еще более отчаянным, ибо королевский водник предложил ему пройти завтра на одной из их восьмерок, дабы они могли сравнить английскую и бельгийскую греблю. Каждый раз, когда об этом заходила речь, на лбу моего друга выступал холодный пот. Точно так же подействовало на нас и еще одно предложение юного энтузиаста. Оказалось, что чемпион Европы по байдарке (как, впрочем, и большинство остальных чемпионов) был членом «Клуба королевских водников». И если бы мы только подождали до воскресенья, этот адский гребец милостиво проводил бы нас до следующей нашей остановки. Но мы – ни тот и ни другой – не испытывали ни малейшего желания гнать солнечных коней вперегонки с Аполлоном.

Когда молодой человек ушел, мы отменили распоряжение насчет свечей и заказали коньяку и воды. Пучина сомкнулась над нашими головами. Королевские любители водного спорта были на редкость славными юношами, но они были немножечко слишком юны и чуть-чуть слишком любили водный спорт. Нам стало ясно, что мы старые циники: нам нравилось тихое безделье и приятные размышления о том о сем; мы не желали опозорить нашу страну, сбив с темпа восьмерку или жалко влачась в кильватере чемпиона по байдарке. Короче говоря, нам пришлось спасаться бегством. Это отдавало неблагодарностью, но мы постарались возместить свою невежливость карточкой, исписанной изъявлениями искреннейшей признательности. Нам было не до церемоний: мы уже чувствовали на своих затылках жаркое дыхание чемпиона.

В Мобеже

Под влиянием ужаса, который мы испытывали перед нашими добрыми друзьями – королевскими водниками, а также учитывая, что между Брюсселем и Шарлеруа нам пришлось бы пройти не менее пятидесяти пяти шлюзов, мы решили остальную часть пути до границы проехать на поезде вместе с байдарками и прочим багажом. Пройти пятьдесят пять шлюзов за один день практически означало бы проделать весь этот путь пешком, таща байдарки на плечах, к великому удивлению деревьев над каналом и под градом насмешек всех нормальных детей.

Пересечь границу даже на поезде Аретузе далеко не просто. Почему-то любому чиновнику он кажется подозрительным субъектом. Где бы он ни проезжал, там всегда собирается чиновничий конклав. Во всем мире торжественно подписываются договоры, от Китая до Перу величественно восседают послы, посланники и консулы, и «Юнион Джек» развеивается на всех ветрах; под этой внушительной охраной дородные священники, школьные учительницы, джентльмены в серых костюмах из твида и всяческая мелочь английского туризма со справочниками в руках без малейших помех раскатывают по континентальным железным дорогам, и все же худощавая особа Аретузы застревает в ячеях сети, тогда как эти крупные рыбы весело продолжают свой путь. Если он путешествует без паспорта, то его без лишних разговоров ввергают в гнусное узилище, если же его бумаги в порядке, то ему, правда, позволяют следовать дальше, но только после того, как он до дна изопьет унижительную чашу всеобщего недоверия. Он с рождения британский подданный, и все же ему ни разу не удалось убедить в этом ни единого чиновника. Он льстит себя мыслью, что не лишен честности, и все же его в лучшем случае принимают за шпиона, и нет такого нелепого или злонамеренного способа добывания хлеба насущного, который не приписывался бы ему в пылу чиновничьего или гражданского недоверия...

Это просто уму непостижимо. И я по призыву колокола ходил в церковь и сидел за столом хороших людей, но это не оставило на мне ни малейшего следа. Чиновничьи очки я непонятен, как индеец. Они поверили бы, что я уроженец какого угодно края, но только не моего собственного. Мои предки трудились напрасно, и в моих скитаниях за границей славная конституция мне не защита. Поверьте, быть приличным образчиком своего национального типа – великое дело.

Никого по дороге в Мобеж не просили предъявить документы, кроме меня! И хотя я отчаянно цеплялся за свои права, мне наконец пришлось смириться с унижением, чтобы не отстать от поезда. Я сдался, скрепя сердце, – но ведь мне надо было ехать в Мобеж!

Мобеж – город-крепость с очень хорошей гостиницей «Большой олень». Он, по-видимому, населен солдатами и коммивояжерами: во всяком случае, мы больше никого там не видели, если не считать коридорных. Нам пришлось задержаться там, потому что байдарки не торопились к нам присоединиться; в конце концов они прочно сели на мель в таможене, и мы должны были вернуться к ним на выручку. Делать нам было нечего, осматривать – тоже. Кормили нас, к счастью, хорошо, но и только.

Папирску чуть было не арестовали за попытку зарисовать фортификации, чего он даже при всем желании не сумел бы сделать. А кроме того, мне кажется, каждая воинственная нация уже имеет планы всех чужих укреплений, и подобные предосторожности более всего напоминают попытку запереть конюшню после того, как коня угнали. Но, без сомнения, они способствуют поддержанию духа у населения. Великое дело, если людей удастся убедить, что они каким-то образом причастны к свято хранимой тайне. Это придает им значение в собственных глазах. Даже масоны, чьи секреты разоблачались всеми, кому не лень, сохраняют известную гордость; и любой бакалейщик, хотя в глубине души он и сознает,

какой он безобидный и пустоголовый простака, возвращаясь с одного из «застолий», ощущает себя необыкновенно важной персоной.

Странно, как хорошо живется двум людям – если их двое – в городе, где у них нет знакомых. По-моему, созерцание жизни, в которой ты не участвуешь, парализует личные желания. И ты с охотой довольствуешься ролью зрителя. Булочник стоит в дверях своей лавки; полковник с тремя медалями на груди проходит вечером мимо, направляясь в кафе; солдаты бьют в барабаны, трубят «горны и расхаживают на часах у фортов, храбрые, как львы. Невозможно подобрать слова, чтобы описать, насколько умиротворенно ты созерцаешь все это. В родных местах нельзя сохранить безразличие: ты сам участвуешь в событиях, в армии служат твои друзья. Но в чужом городе, не настолько маленьком, чтобы он сразу стал привычным, и не настолько большим, чтобы обхаживать путешественников, ты оказываешься так далеко от всего, что просто забываешь, как можно в чем-то участвовать; вокруг нет ничего по-человечески близкого, и ты уже не помнишь, что ты человек. Возможно, в скором времени ты вообще перестанешь быть человеком. Гимнософисты удаляются в лесные дебри, где их окружает буйная жизнь природы, где все дышит романтикой, – нет, было бы куда полезнее для их цели, если бы они поселились в скучном провинциальном городке, где видели бы ровно столько образчиков человеческой породы, сколько необходимо, чтобы рассеять тоску по людям, и где перед ними были бы лишь приевшиеся внешние стороны человеческого существования. Эти внешние стороны так же мертвы для нас, как многие церемонии, и говорят с нашими глазами и ушами на мертвом языке. Они столь же бессмысленны, как слова присяги или приветствие. Мы так привыкли видеть супружеские пары, шествующие в церковь по воскресеньям, что уже не помним, символом чего они являются, и романистам даже приходится оправдывать и превозносить адюльтер, когда они хотят показать нам, как это прекрасно, если мужчина и женщина живут только друг для друга.

Однако в Мобеже нашелся человек, который позволил мне заглянуть за свой фасад. Это был кучер омнибуса нашей гостиницы – насколько помню, ничем не примечательный на вид коротышка, но с какой-то человеческой искрой в душе. Он прослышал про наше маленькое плавание и явился ко мне, полный восторженной зависти. Как он жаждет путешествовать! Как ему хочется побывать в других местах и посмотреть мир, прежде чем он сойдет в могилу!

– Ну, что у меня есть? – сказал он. – Я еду на станцию. Ну, ладно. А потом я еду назад к гостинице. И так каждый день всю неделю. Бог мой, разве это жизнь?

Я тоже не мог назвать это жизнью – для него. Он настойчиво расспрашивал меня о том, где я побывал и куда еще намерен отправиться, и, слушая меня, он вздыхал – я не преувеличиваю. Может быть, он стал бы мужественным исследователем Африки, может быть, он поплыл бы с Дрейком к Индиям? Но наш век немилостив к людям с цыганскими наклонностями. Кто умеет плотнее других сидеть на конторском табурете, тот и завоевывает богатство и славу.

Хотел бы я знать, служит ли мой приятель по-прежнему кучером в «Большом олене». Наверяд ли; мне кажется, когда мы приехали в Мобеж, он уже готов был взбунтоваться, и встреча с нами могла послужить последней каплей. В тысячу раз лучше, если он стал бродягой, чинит тазы и кастрюли где-нибудь у дороги, спит под деревьями, и каждый день утренняя и вечерняя заря пылает для него на новом горизонте. Вы, кажется, сказали, что быть кучером омнибуса – весьма уважаемое занятие? Прекрасно. Так какое же право имеет тот, кому это уважаемое занятие не нравится, препятствовать другим воссесть на козлы своего омнибуса? Предположим, мне не понравилось какое-нибудь кушанье, а вы сообщили мне, что остальное общество питает к нему пристрастие. Какой вывод должен был бы я сделать из ваших слов? Неужели мне следовало бы продолжать насиловать мой желудок? Уважаемость – вещь по-своему неплохая, но она не превышает всего. Я не

посмею, конечно, намекнуть, что это – дело только вкуса; однако я рискну сказать следующее: если какое-либо занятие человеку явно не по душе, неприятно, необязательно и, в сущности, бесполезно, то, будь оно респектабельно, как англиканская церковь, чем скорее он его бросит, тем лучше для него самого и для всех, кого это касается.

По каналу Самбры

В карт

Часа через три весь «Большой олень» отправился проводить нас к реке. Кучер омнибуса смотрел на нас тоскливыми глазами. Бедная птица в клетке! Как памятно мне время, когда я сам бродил по станционной платформе, смотрел, как поезда один за другим уносят в ночь свой груз свободных людей, и жадно читал в расписании названия далеких городов!

Мы еще не миновали все форты, как начался дождь. Лобовой ветер налетал яростными порывами, а пейзаж вполне гармонировал с безжалостностью небесных стихий. Мы плыли вдоль изуродованных берегов, покрытых редким кустарником, но зато щеголяющих разнообразием фабричных труб. Мы сделали привал на замусоренном лужке, где торчало несколько древесных стволов с обрубленными ветвями, и выкурили по трубочке, пользуясь тем, что выглянуло солнце. Однако ветер был так силен, что мы, собственно, курили только его. Окрестный пейзаж не радовал глаз никакими природными красотами, кроме грязных мастерских. Стайка детей во главе с высокой девочкой остановилась в двух шагах от нас и внимательно наблюдала за нами до самого нашего отъезда. Я был бы рад узнать, что они о нас думали.

Шлюз в Омоне оказался почти непреодолимым препятствием, так как место причала располагалось под высоким и крутым берегом, а спуск находился оттуда очень далеко. Человек десять прокопченных рабочих пришли нам на помощь. От вознаграждения они отказались наотрез и – что еще лучше – с истинным благородством, не оскорбившись и не оскорбляя. «Такой уж обычай в наших местах», – объяснили они. Прекрасный обычай! В Шотландии, где вам тоже помогут бескорыстно, добрые люди отвергнут ваши деньги так, словно вы пытаетесь подкупить избирателя. Коль скоро человек готов утрудить себя достойным поступком, то, право, стоит сделать еще одно небольшое усилие и не посягать на достоинство тех, кому помогаешь. Однако в наших бравых саксонских странах, где мы семьдесят лет бредем по грязи, с рождения и до смерти внимая свисту ветра, мы и добро и зло творим надменно, почти вызывающе, даже милостыню превращая в свидетельство собственной добродетели и в акт войны против несправедливости.

За Омонем снова выглянуло солнце, а ветер стих; после нескольких минут усердной гребли заводы остались позади, и мы очутились в очаровательном краю. Река здесь вилась среди пологих холмов, и солнце то светило нам в спину, то оказывалось прямо впереди, превращая реку в поток непереносимого сияния. По обеим сторонам тянулись луга и яблоневые сады, отделенные от воды лишь полоской осоки и водяных лилий. Изгороди были очень высоки и опирались на стволы могучих вязов, так что поля, порой очень маленькие, казались рядами беседок над рекой. Дали были от нас заслонены, лишь изредка над ближайшей изгородью вдруг вздымалась лесистая вершина холма, создавая средний план, – и все. Небо было безоблачно. Воздух после дождя чаровал чистотой и прозрачностью. Река петляла между холмов, сверкая, как зеркало, и каждый удар весла заставлял вздрагивать лилии у берега.

По лугам бродили причудливо узорные черно-белые коровы. Одна, с белой мордой и глянцеви́то-черным туловищем, подошла к воде напиться и, когда я проплывал мимо, смотрела на меня, задумчиво подергивая ушами, точно комичный священник в какой-нибудь пьесе. Через секунду я услышал громкий всплеск и, оглянувшись, увидел, что «священник» с трудом выкарабкивается на обрушившийся берег.

Кроме коров, мы не видели ни единого живого существа, если не считать нескольких птиц и множества рыболовов. Эти последние сидели на берегу с удочками – кто с одной,

а кто и с десятком. Они, казалось, цепенели в блаженстве, и те из них, кого нам удавалось втянуть в обмен репликами о погоде, отвечали нам тихим и рассеянным голосом. Они как-то странно расходились во мнениях относительно того, какая именно рыба привлекла их сюда со всей их наживкой, но в одном были единодушны: этой рыбой река изобилует. Когда мы убедились, что ни одному из них никогда не попадалась на крючок рыба той породы, которую постоянно ловил его сосед, мы невольно заподозрили, что никто из них вообще в жизни не поймал ни одной рыбешки. Но так как день был удивительно хорош, я от души надеюсь, что терпение каждого из них было вознаграждено, и каждый отправился домой, неся полную корзинку серебристой добычи. Кое-кто из моих друзей начнет стыдить меня за это пожелание, но мне человек, будь он даже удильщиком, куда приятнее самой лучшей пары жабер во всех господних водах. К рыбам я не питаю ни малейшей нежности, кроме тех случаев, когда их подают к столу под белым соусом, тогда как удильщик – это весьма существенная часть речного пейзажа, а посему заслуживает известного признания со стороны байдарочников. Он всегда вежливо ответит, где ты находишься, а его недвижимая фигура отлично оттеняет окружающую пустынную и безмолвие, напоминая к тому же о сверкающих обитателях глубин под днищем твоей байдарки.

Самбра так трудолюбиво выписывала узоры среди своих холмов, что было уже начало седьмого, когда мы подошли к шлюзу в Карте. Папироска вступил в шутливую перебранку с ватагой ребятишек, которые бежали рядом с нами по бечевнику. Тщетно я взывал к его благоразумию. Тщетно я убеждал его на нашем родном языке, что нет на свете существа опаснее мальчишки: стоит только им ответить, и града камней тебе не избежать. Что до меня, то на все обращенные ко мне реплики я лишь кротко улыбался и покачивал головой, словно был существом вполне безобидным и не понимал ни слова по-французски. Мой прошлый опыт на родных реках был таков, что я предпочту столкнуться нос к носу с любым кровожадным хищником, чем встретиться с компанией здоровых и нормальных уличных мальчишек.

Однако я был несправедлив к этим мирным юным эноитянам. Когда Папироска отправился наводить справки, я выбрался на берег, чтобы, покуривая трубку, приглядывать за байдарками, и тотчас стал объектом самого дружеского любопытства. К детям теперь присоединились молодая женщина и кроткого вида юноша без одной руки, так что я почувствовал себя почти в безопасности. Когда я рискнул произнести свое первое французское слово, одна девчушка кивнула со смешной взрослой умудренностью.

– Вот видите, – заявила она. – Он все хорошо понимает, он просто притворялся.

И все весело засмеялись.

Сообщение о том, что мы приехали из Англии, произвело на них большое впечатление, и та же девочка не преминула объяснить, что Англия – это остров «очень далеко отсюда – *bien loin d'ici*».

– Это ты правду сказала: очень-очень далеко отсюда, – заметил однорукий паренек.

Никогда еще меня не охватывала такая тоска по родине: расстояние до места, где я впервые увидел свет дня, вдруг показалось мне неизмеримым.

Байдарки им очень понравились. И я подметил в этих детях деликатность, про которую стоит рассказать. Последнюю сотню ярдов нашего пути они оглушительно требовали дать им покататься; и на следующее утро, когда мы готовились отчалить, они опять оглушили нас той же песенкой; однако в эту минуту, когда обе байдарки стояли возле берега пустые, не раздалось ни одной такой просьбы. Деликатность ли? А может быть, они просто боялись пуститься в плавание в такой чудней лодке? Я ненавижу цинизм даже больше, чем дьявола, – впрочем, может быть, это одно и то же? И все же цинизм – неплохое тонизирующее средство, холодный душ и грубое полотенце для сантиментов, совершенно необходимые для чрезмерно чувствительных натур.

От байдарок они перешли к моему костюму. Они не могли насмотреться на красный шарф, служивший мне поясом, а нож исполнил их благоговейного ужаса.

– Вот такие ножи делают в Англии, – сказал одорукий юноша, и я обрадовался, что он не знает, как плохо теперь делают их в Англии. – Они для тех, кто уходит в море, – добавил он. – Чтобы защищаться от больших рыб.

Я чувствовал, что с каждым его словом становлюсь в их глазах все более романтической фигурой. Да, собственно, я и был романтической фигурой. Даже моя трубка, самая обыкновенная французская трубка, казалась им редкостной диковинкой, ибо прибыла сюда издалека. И пусть мои перышки были сами по себе не слишком пышны, зато они были заморскими. Правда, одна деталь моего туалета рассмешила их так, что они забыли про вежливость, – мои парусиновые туфли, давно уже утратившие свой первоначальный цвет. Вероятно, ребяташки не сомневались, что причиной была их местная грязь. Все та же девочка (душа нашего общества) показала для сравнения свои сабо – жаль, что вы не видели, как грациозно и весело она это проделала.

Неподалеку на траве стоял молочный бидон молодой женщины – огромная медная амфора. Я воспользовался возможностью отвлечь всеобщее внимание от моей персоны, а также отплатить похвалой за похвалы. И вот я с большим жаром стал восхищаться формой бидона и его цветом, с полной искренностью уверяя их, что он кажется совсем золотым. Это их ничуть не удивило. По-видимому, такие бидоны были местной гордостью. И дети принялись расписывать, как дороги эти амфоры, – некоторые стоят даже тридцать франков штука! Они сообщили мне, что бидоны возят на осликах по одному с каждой стороны седла – какая богатая попона могла бы с ними потягаться? – и что они есть тут повсюду, а на больших фермах их очень много и совсем огромных.

Пон-Сюр-Самбр

Мы – коробейники

Папироска вернулся с хорошими вестями: в десяти минутах ходьбы отсюда, в местечке, называемом Пон, есть гостиница. Мы спрятали байдарки в хлебном амбаре и попробовали найти проводника среди ребятишек. Кружок вокруг нас сразу распался, а когда мы предложили вознаграждение, ответом было обескураживающее молчание. Дети, несомненно, считали нас парой разбойников. Почему бы и не поболтать с нами в людном месте, да к тому же опираясь на значительное численное превосходство? Но совсем другое дело – отправиться в одиночку с двумя головорезами, которые в этот тихий вечер точно с неба упали в их мирную деревушку с ножами за кушаком, овейные ароматом дальних странствий. К нам на помощь пришел владелец амбара; выбрав какого-то мальчугана, он пригрозил ему телесным наказанием, иначе, боюсь, нам пришлось бы самим отыскивать дорогу. Но, по-видимому, мальчуган страшился хорошо известного ему хозяина амбара больше, чем таинственных незнакомцев. Однако, я думаю, его сердчишко билось отчаянно, во всяком случае, он старался держаться впереди на безопасном расстоянии и пугливо на нас оглядывался. Наверное, вот так на заре мира дети указывали дорогу Зевсу или кому-нибудь еще из олимпийцев, спустившихся на землю в поисках романтического приключения.

Мы шагали по грязному проселку, и Карт с его церковью и трещоткой-мельницей остался позади. С полей брели домой батраки. Нас обогнала бойкая маленькая женщина. Она боком сидела на ослике между двух сверкающих бидонов, то и дело изящно подгоняла ослика каблуками и визгливо окликала прохожих. Но никто из усталых мужчин не трудился ей отвечать. Наш проводник вскоре свернул с дороги и зашагал по тропинке через поле. Солнце уже зашло, но весь западный горизонт перед нами был еще сплошным золотым озером. Через несколько минут тропка нырнула в узкий проход, похожий на бесконечную решетчатую беседку. По обеим сторонам тянулись темные фруктовые сады, среди листвы прятались низенькие домики, и дым из труб тянулся к небесам; порой в просветах мелькал огромный золотой щит запада.

Мне еще не приходилось видеть Папироску в столь идиллическом настроении. Восхваляя сельский пейзаж, он положительно впал в поэтический слог. Да и сам я был опьянен не меньше. Теплый вечерний воздух, сумеречные тени, пылающее небо и тишина гармонично сопровождали нашей прогулке, и мы оба решили впредь избегать городов и искать ночлега только в деревушках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.